

Поднятая тысячами ног и колес, тяжелая темнокрасная донбасская пыль вставала плотной стеной, затемняла солнце, покрывала черным налетом лица людей, высушивала рот, слепила глаза, скрипела на зубах. Порой людей не было видно из-за нее.

Солнце жгло без жалости. Сердце разрывалось от боли при виде измученных ребятишек. Им было тяжелее всех.

Наш домик стоял около дороги, и из окон все было видно. Видел это и Олег. Мука застыла в его глазах, но отчаяние так и не нашло трещинки в его сердце.

— Мама, — жестко твердил он, — мне надо уходить. Надо! Надо! Может случиться, что эшелонов нехватит на всех. Что тогда? Немцы нас, мужчин, в первую голову погонят строить для них укрепления, рыть окопы, подносить патроны и снаряды к их пушкам. А эти пушки будут стрелять по нашим, убивать их! Ты же знаешь, я никогда не пойду на это, и немцы убьют меня. Так что же? Погибнуть бесславно? Нет, надо уходить. Надо...

И вдруг — новое горе. Перед самым отъездом тяжело заболела бабушка. Она, правда, все еще хлопотала, работала за троих, но силы ее оставляли. Выяснилось, что у нее брюшной тиф. Это разбило все наши планы. Как я могла оставить больную мать? Я заявила, что никуда без нее не поеду.

Оставалось одно: немедленно выезжать брату с семьей и Олегом. Для них и для шести рабочих дали подводу. Договорились на воз уложить все вещи, самим идти пешком.

Как же не хотелось Олегу оставлять свою бабушку, да еще больную! Раз десять на дню он умолял меня:

— Береги бабуся!

— Бабушка, — бросался он к ней, — смотри не забывай, что ты коммунистка! А ну-ка, где твой партбилет? Хорошо ли его спрятала? Немцы придут — сейчас же с обыском!